

Ad fontes

AF

Выпуск 14

МИЛЛЕРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2018

ПРЕИМУЩЕСТВЕННОСТЬ И ТРАДИЦИИ
В СОХРАНЕНИИ И ИЗУЧЕНИИ
ДОКУМЕНТАЛЬНОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Материалы II Международной
научной конференции
24–26 мая 2018 г.,
Санкт-Петербург



ВКЛАД АКАДЕМИКА Г. Ф. МИЛЛЕРА В ИЗУЧЕНИЕ ЧУВАШЕЙ

В статье проанализировано научное наследие академика Г. Ф. Миллера, имеющее отношение к этнографии чувашей. Основное внимание в его трудах уделено народным верованиям, жилищам, одежде, свадьбе и похоронам чувашей. Его сочинения имеют фундаментальное значение для установления достоверной картины историко-этнографической действительности чувашского народа не только по состоянию на вторую половину XVIII в., но и в целом.

Ключевые слова: Г. Ф. Миллер, чувашаи, верования, этнография.

CONTRIBUTION OF ACADEMICIAN G. F. MÜLLER INTO RESEARCH OF THE CHUVASH

The article contains analysis of the scientific heritage of Member of the Imperial Academy of Sciences G. F. Müller related to ethnography of the Chuvash. His works were mainly focused on people's faiths, houses, clothes, weddings and funerals of the Chuvash. His writings play a pivotal role in establishing a reliable picture of historical and ethnographic reality of the Chuvash people not only as of the second half of the 18th century, but also on the whole.

Key words: G. F. Müller, Chuvash, beliefs, ethnography.

Рукописи и литература XVIII в. о чувашах составляют наиболее ценный свод источников. Этот период связан с именами выдающихся путешественников, собирателей и исследователей.

В Петербурге Г. Ф. Миллер проживал на 5-й линии и имел свой двор¹. Будучи в Москве, он поддерживал связь с коллегами из Петербурга, а также с членами академических экспедиций, в частности с П. С. Палласом. Так, в письме И. А. Эйлеру от 30 апреля 1769 г. он сообщает о пересылке отчетов и коллекций Палласа и Гильденштедта в Петербургскую академию наук².

¹ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 14. Л. 619.

² СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 53. Л. 42-42 об.

Остановимся на некоторых вопросах о чувашах, которые поднимал Миллер в своих трудах. Последовательность изложения связана с ходом мыслей самого Миллера. Привлекая другие источники, попытаемся расширить представления, зафиксированные Миллером.

Верования

Распространенный среди чувашей такой религиозно-обрядовый объект, как *киреметище*, часто подразумевает березу. Так, в начале XX в. у с. Шумшеваши Ядринского уезда существовали *киреметища* под названием *Сар хоран* «Желтая береза» и *Шор хоран* «Белая береза». *Киремет* под названием *Сар хуран* «Желтая береза» был в Козьмодемьянском уезде. Частенько за божеством *Киремет* подразумевали одинокую березу. Это явление типично для Буинского, Тетюшского и Курмышского уездов Симбирской губернии. По данным 1837 г., в 100 саженьях от д. Старое Ахпердино Буинского уезда имелся *Киремет* в виде нескольких берез. В д. Емелькино Бугульминского уезда Самарской губернии имелись две березовые *киреметные* рощи, одна называлась *Киремет*, другая — «Березняк», т. е. *Киремет* и береза в данном случае совершенно идентичны. Если у вновь образованного поселения отсутствовало *киреметное* место, то жители по совету знахарей загораживали березняк, который начинали называть *Киреметем*. У таких берез совершали моления в виде закалывания животных, подбрасывания монет, зажигания костров, подвешивания шкур. В списке *киреметям*, находящимся на 1837 г. в селениях Буинского и Симбирского уездов, из учтенных 65 *киреметей* 36 представляли собой березы³.

Тексты не всегда дают ясное представление о том, в какую географическую сторону обращаются моельщики: на восток, юг, запад? «По старинному обыкновению сделаны двери на восток», — отмечает один из видных исследователей чувашей XVIII в.⁴ Такое же расположение дверей зафиксировано в других доступных источниках. Они утверждают идентичность понятий «дверь» и «восток». По другим источникам, «двери располагаются всегда на поддень»⁵, «чувашские дома... обращены дверьми к югу»⁶, хотя имеются и возражения на этот счет. Так, Миллер, ссылаясь на своего толмача, писал, что Страленбергово утверждение не подтверждается⁷. Объясняя ориентацию дверей юрт, В. В. Бартольд заметил, что со временем «древнетурецкий культ востока уступил место монгольскому культу юга, и двери юрт едва ли не во всей Средней Азии теперь обращены на юг, а не на восток, как было прежде»⁸. Согласно этому толкованию, обращение на восток первично, а на юг вторично.

Печь как творец и хранитель огня обладает свойством очищения. В печи калят камень и вслед за выносом покойника из дома выбрасывают в ворота⁹.

³ Miller 1791, 56; РГИА. Ф. 515. Оп. 15. Д. 465. Л. 15.

⁴ Pallas 1773, 138.

⁵ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19025. Л. 22 об.

⁶ Strahlenberg 1893, 249.

⁷ Miller 1791, 9.

⁸ Bartol'd 1968, 463.

⁹ Miller 1791, 60.

Образование Золотой Орды, а затем и Казанского ханства возродило города. Вместе с городами возродилось и магометанство. Оно объединило татар — бывших болгар — жителей городов Волжской Булгарии. Дисперсное проживание на территории Казанского ханства вместе с татарами-мусульманами привело марийцев, удмуртов и чувашей к ассимиляции в ислам. По данным на вторую половину XVIII в., многие чувашаи по обыкновению татар брили головы, были охотниками до лошадиного мяса, а некоторые свиней не держали¹⁰. Сельской массе, жившей по родовым традициям, приходилось туго. Были поглощены целые поколения нетатарского люда. В период Казанского ханства среди чувашей были распространены также новые административные порядки. Церемонии ханского двора чувашаи переносили на свои божества, которых они стали представлять в виде важного хана и разных чиновников, окружающих, сопровождающих и прислуживающих ему. Например: *Тăвам ыра* — «божество, заседающее в диване», *Хум кĕрекеçĕ* — «кравчий хана», *Тăвам çÿретекен* — «божество, ведающее делами дивана», *Мăн турра алăк уçакан* — «отворяющий двери жилища». Эти явления явно отражают торжественную обстановку ханского двора. Празднование пятницы, перенятое из ислама, сохранялось среди чувашей долго.

Этнография

Анализируя свои наблюдения в отношении чувашских деревень, Миллер заметил, что деревни чувашей больше, чем черемисские. Что касается интерьера, то у чувашей в домах скамейки (= лавки), как и у татар, широкие. Они используют их и вместо кроватей. Окна у них паюсные (т. е. из бычьего пузыря) или из тонкой бересты. Поэтому зимой в домах бывает тепло¹¹.

Известно, что из Камчатской экспедиции Г. Ф. Миллер привез рисунки черемисского, чувашского, вотяцкого и татарского платьев. Об этом имеется запись от 1744 г.¹² Существует много примеров, когда подозреваемого вынуждали съесть или хлеб, или хлеб с солью, или сначала давали хлеб с солью, а потом воду. Порой испытания стояли на грани ордалий. Например, заставляли пить сильносоленую воду. О клятвах с хлебом и солью среди чувашей И. Г. Георги писал: «Кладут им в рот понемногу соли и хлеба, причем они говорят: "Чтоб мне этого у себя не видеть, ежели я лгу, или в своем не устою"»¹³. Народные формы клятвы у чувашей были известны властям и использовались как юридическая норма. Так, «при взятъе в солдатскую службу пред присягающим держат два палаша концами в вверх крест-накрест, и чрез оные палаша... дается в рот хлеб с солью»¹⁴.

В обыкновении чувашей было брать жен из других родов и деревень. За этим строго следил род. Чаще всего их привозили из других деревень. Поэтому в литературе есть описания случаев, когда в семье были недовольны тем, что сын изъявляет желание брать невесту из своей деревни. Ехать

¹⁰ Ibid., 11, 22.

¹¹ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 6. Л. 24 об. — 27.

¹² СПбФ АРАН. Ф. 21. Д. 121. Л. 131 об.

¹³ Georgi 1799, 41.

¹⁴ Miller 1791, 65.

неприменно в другие деревни и брать из других деревень («верст за десять и за сто»¹⁵) было в традиции и у поволжских татар. Относительно чувашей Миллер сделал однозначные записи: «При том же законы сродства наблюдают они так точно, что оных ни мало не нарушают»¹⁶. В свадебных песнях мотив выбора невесты обставлен почти сказочно.

Крепкое желание найти невесту из чужой деревни играло решающую роль. «Очень грешно жениться на той девке, которую каждый день видишь!» — констатировали старики¹⁷. Если пришла пора женить сына, а он еще не успел познакомиться, то родители специально запрягали лошадь и ездил из деревни в деревню, буквально расспрашивая и подыскивая нужную девушку. Участники экспедиций XVIII в. также предупреждали о невозможности «брать за себя двух сестер», но о допустимости «жениться на двух, или на трех сестрах по одиночке». Конечно, женитьба на сестре и на сестриных детях у чувашей исключается¹⁸. Женитьба на соседке допускается как исключение, если она не единокровница. Обычай брачного обыска, т. е. установление неродства по метрике, существовал и в православии¹⁹.

Обе стороны заранее готовят угощения. Как правило, это домашняя водка, пиво, мед, обильно помасленная каша, хлеб ржаной и пшеничный, а также сырок. Угощения всех видов должны иметь нечетное количество, ибо пока ни жених, ни невеста не составляют пары. Только малинки *йăвача* пекутся в неисчислимом количестве, чтобы у молодых было много детей. Дома у невесты варят суп и подают еду на стол семь девушек-родственниц. За стол садятся поочередно: сначала родственники жениха, их угощают родственники невесты; затем со стола убираются угощения родственников невесты и подаются гостинцы жениха, начинается угощение родственников девушки. В конце хозяева подают на стол кашу. Это последнее блюдо совместной еды, после которой гости должны идти домой. Если гости не будут торопиться выходить из-за стола, то они заслужат осуждения: «Эти гости не знают чести, они и после каши не уходят»²⁰. Нечетное количество подаваемой пищи свойственно и таджикам. Например, они подают выпечку в девять стопок на подносе. На стол ставят также по девять штук больших лепешек и пирожков с мясом²¹.

Первые известные по письменным источникам гробы чувашаи делали путем расщепления дерева на две половинки, которые выдалбливались в виде корыта и покрывались одна другой. Конечно, они напоминали известные в этнографии гробы-лодки. Чувашаи также обходились старыми готовыми колодами, два конца которых отпиливались и заделывались досками. Наиболее распространенное название гроба — *тунăк/тунăт*, в некоторых районах — *кистен* «кистень», что говорит в пользу существования гробов-колодок. Как и чувашаи, соседние удмурты до середины XIX в. пользовались выдолбленным

¹⁵ Mil'kovich 1905, 8.

¹⁶ Miller 1791, 68.

¹⁷ Fuks 1840, 26.

¹⁸ Miller 1791, 68.

¹⁹ Dal' 1981, 638.

²⁰ Miller 1791, 71; Messarosh 2000, 329; Ashmarin 1937, 265.

²¹ Lobacheva 1985, 116–117.

деревом. В XVIII в. чувашаи умершим на дно могилы клали доски, на них — перину или ковер, потом — тело, которое с боков и сверху обкладывали досками. Затем появляются коробки без дна. Отсутствующее дно затягивалось веревкой или льном и постилалось лыком. Такие худые гробы, в некоторой степени напоминающие колыбели, изготовлялись, по объяснению самих чувашей, чтобы покойнику не жестко было лежать. Изготовление современного типа гробов с дном у чувашей распространено сравнительно недавно. Наиболее подходящими считаются половые доски из сосны и ели. Желательно, чтобы дерево было свежеспиленное, а лучше — спиленное специально для данного умершего человека. Перед тем как срубить или спилить дерево, один из близких родственников покойного бросал топор на землю и говорил: «Чтобы тебе провалиться в преисподнюю», что подчеркивает желание побыстрее избавиться от покойника. В изготовлении гроба принимали участие несколько мужчин, основную работу делал один из них, как правило, тот, кого выбирал сам умирающий, обычно — близкий и любимый. Когда этот человек заходит в дом для обмеров умершего, все присутствующие до единого выходят из дома. Измерения делаются очень точно, ибо свободный гроб является приметой следующей близкой смерти в доме. Приступая непосредственно к изготовлению, гробовщик ударяет топором об доску и говорит: «Пусть не будет успеха в начинании этого дела»²².

Среди погребального инвентаря у чувашей обязательно присутствуют мыло, гребень, ложка, нож и прочие необходимые предметы повседневной жизни. Туда же кладут элементарные орудия труда. Правда, все это невозможно увидеть в одном гробу, они присутствуют в том или ином наборе в разных гробах. В целом создается впечатление, что умершего собрали в долгий путь. Вещи обычно клали в специальный мешочек, называемый «мешочек спасения», что говорит о его назначении²³. Сопровождающая еда (в виде яиц и кусочков другой пищи) также говорит о запасе на дорогу.

Акциональный и вербальный тексты говорят о желании чувашей быстрее избавиться от умершего родственника, переселить его на кладбище, соблюдая при этом порядок всех этапов. Напомним основные моменты. По умершему родственнику плачут, но закрывают ему глаза и ноздри; по дороге на кладбище один сидит задом наперед; на кладбище опять плачут. Опуская в могилу, говорят: «Не бойся, не бойся»; с кладбища убегают бегом, мертвец тоже собирается за ними, однако все узлы на нем развязаны. На третий день закалывают домашнюю живность; в сторону кладбища выливают кружку воды, выбрасывают один блин и кости от птиц. Сохранились верования (особенно в богатырских сказках), согласно которым домашние должны три ночи после похорон бодрствовать на могиле. Видимо, такой факт имел место в действительности. Но срок этот ограничивался именно тремя ночами: больше не позволял сам мертвец. На кладбище ходят также на седьмой день после смерти. До прихода другого новоумершего его выставляют на охрану. До *юна* умершего родственника приглашают мыться в бане. В *юна* уже происходят окончательные проводы умершего родственника на кладбище.

²² Strahlenberg 1893, 248; Miller 1791, 78; Pallas 1773, 143.

²³ Miller 1791, 78.

Проводы в целом — это поэтапное отделение умершего от живых, постепенное переселение его в другое пространство, оказание помощи в привыкании там²⁴.

Согласно воззрению чувашей, заколотая на поминках скотина переходит в собственность умершего члена семьи. Поскольку смерти нет, то перешедшие в иной мир родственники пользуются теми животными, которые были принесены в жертву в их честь. Обязательно учитывают тот факт, что мужчина на том свете ездит на лошади, а женщина — на корове или овце. Миллер зафиксировал интересный эпизод, согласно которому чувашаи и марийцы в обряде окончательных проводов души на дворе вколачивают «в землю две палки, и между оными протягивают толстую нить, и вздевают на оную кольцо. Потом все молодые люди из сродников, или из гостей, не доходя до помянутого места шагов на десять, в кольцо стрелами стреляют, и кто первый во оное кольцо попадет, тот берет лошадь, на которой покойник ездил; ежели же будет женщина, то берет иную какую-нибудь лошадь со всем убором, и ездит на ней вскачь до трех раз на могилу и оттуда назад. Потом оную лошадь у черемис на дому, а у чуваш на кладбище, в память умершего заколовши, варят и едят»²⁵. Рудименты таких скачек запечатлены и в записях XIX — начала XX в. Например, при возвращении с кладбища всадника, при скакавшего к дому первым, встречают пивом. Позже заклание лошади после скачек заменили актом дарения этой скотины, принадлежавшей умершему, тому, кто скакал на кладбище и обратно. Еще позже стали ограничиваться скачками. Сокращенный, «испорченный», вариант мотива скачек на лошади умершего прослеживается и в эпизоде отправления одного всадника на могилу умершего родственника в конце поминок. Аналогичные обрядовые скачки в память умершего устраивали и в Грузии²⁶.

Как видим, в трудах Миллера находим ценные сведения по широкому кругу вопросов, относящихся к истории чувашей, в первую очередь по верованиям и этнографии. Ценно то, что все зафиксированные им наблюдения, факты и обобщения со временем не теряют свою научную ценность. Они имеют фундаментальное значение для установления достоверной картины историко-этнографической действительности чувашского народа не только по состоянию на вторую половину XVIII в., но и в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка / Н.И. Ашмарин. — Вып. XII. — Чебоксары, 1937.
- Бартольд В.В.* Сочинения / В.В. Бартольд. — Т. V. — М., 1968.
- Волкова Н.Г.* Бытовая культура Грузии XIX–XX веков: традиции и инновации / Н.Г. Волкова, Г.Н. Джавахишвили. — М., 1982.
- Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов / И.Г. Георги. — Ч. 1. — СПб., 1799.

²⁴ Miller 1791, 78.

²⁵ Ibid., 79.

²⁶ Volkova 1982, 141–142, 144.

- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. — Т. II. — М., 1981.
- Лобачева Н.П.* Хивинская свадьба / Н.П. Лобачева // Этнография Таджикистана. — Душанбе, 1985. — С. 116–124.
- Мессарош Д.* Памятники старой чувашской веры / Д. Мессарош. — Чебоксары, 2000.
- Миллер Г.Ф.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков / Г.Ф. Миллер. — СПб., 1791.
- Милькович [К. С.].* Быт и верования татар Сибирской губернии, в 1783 году / К. С. Милькович. — Казань, 1905.
- Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи / П.С. Паллас. — Ч. 1. — СПб., 1773.
- Фукс А.* Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии / А. Фукс. — Казань, 1840.
- Strahlenberg Ph. J.* Das Nord und Östliche Theil von Europa und Asia. Stokholm, 1730 / Ph. J. Strahlenberg // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. — 1893. — Т. XI. — С. 241–251 (изложение).
- Ashmarin N.I.* Slovar' chuvashskogo yazyka / N.I. Ashmarin. — Вып. XII. — Cheboksary, 1937.
- Bartol'd V.V.* Sochineniya / V.V. Bartol'd. — Т. V. — М., 1968.
- Dal' V.I.* Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka / V.I. Dal'. — Т. II. — М., 1981.
- Fuks A.* Zapiski o chuvashakh i cheremisakh Kazanskoy gubernii / A. Fuks. — Kazan', 1840.
- Georgi I.G.* Opisaniye vseh obitayushchikh v Rossiyskom gosudarstve narodov / I.G. Georgi. — Ч. 1. — SPb., 1799.
- Lobacheva N.P.* Khivinskaya svad'ba / N.P. Lobacheva // Etnografiya Tadzhikistana. — Dushanbe, 1985. — S. 116–124.
- Messarosh D.* Pamyatniki staroy chuvashskoy very / D. Messarosh. — Cheboksary, 2000.
- Miller G.F.* Opisaniye zhivushchikh v Kazanskoy gubernii yazycheskikh narodov, yako to cheremis, chuvash i votyakov / G.F. Miller. — SPb., 1791.
- Mil'kovich [K. S.].* Byt i verovaniya tatar Sibirskoy gubernii, v 1783 godu / K. S. Mil'kovich. — Kazan', 1905.
- Pallas P.S.* Puteshestviye po raznym provintsiyam Rossiyskoy imperii / P.S. Pallas. — Ч. 1. — SPb., 1773.
- Strahlenberg Ph.J.* Das Nord und Östliche Theil von Europa und Asia. Stokholm, 1730 / Ph.J. Strahlenberg // Izvestiya Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete. — 1893. — Т. XI. — S. 241–251 (izlozheniye).
- Volkova N.G.* Bytovaya kul'tura Gruzii XIX–XX vekov: traditsii i innovatsii / N.G. Volkova, G. N. Dzavakhishvili. — М., 1982.